

31 МАИ 1986

Гастроли

ШУТЯ И ВСЕРЬЕЗ

ТБИЛИССКИЙ Государственный театр марионеток под руководством Резо Габриадзе привез в Москву весь свой репертуар. «Альфред и Виолетта», «Бриллиант Маршала де Фантье» и «Осень нашей весны». Три спектакля — пять лет жизни театра.

Полон очарования, грусти и доброй улыбки мир, в котором живут герои пьес Резо Габриадзе — драматурга, режиссера, художника. С мудростью и лукавством, присущими автору (вспомним фильмы по его сценариям «Не горюй», «Микки-Мав»), он рассказывает в театре марионеток совсем простые истории, но заставляет нас смеяться и печалиться, всматриваться в себя, потому что это спектакли о жизни, о любви.

Кто любит романс А. Дюма «Дама с камелиями» и оперу Верди «Травиата», без труда узнает персонажей спектакля «Альфред и Виолетта». И хотя живут они не в девятнадцатом, а в двадцатом веке, проблемы у

них те же. Больна Виолетта. Влюбленный Альфред мечется в поисках лекарства, правда, чтобы добыть деньги, продает пипику «Вокруг» кофейного цвета и, «что обидно, по госсцене». Злой рок — вором, больше, правда, похожий на растрепанную цыганку или мямлого интригана, пытается разрушить любовь. Но драматург соединит влюбленные сердца и не даст им умереть. Они даже по его прихоти будут жить вечно.

Изящны и изысканны декорации к спектаклю — живописная щедрость, завершенность, отточенность деталей, и куклы, что оживают в руках замечательных куколководов и говорят голосами Р. Чхикадзе, Э. Манджгаладзе, Н. Пачауаши, Г. Перадзе, А. Вуадзе, Ж. Долошвили, выполнены с тонким художественным вкусом и фантазией.

«Осень нашей весны» — само название поэтично и печально, как и весь спектакль.

...Старая улица Тбилиси. Летят друг к другу, словно ла-

сточники гнезда, кособокие домишки, и лишь возвышается над всем здание коммунального банка, словно заявляет: этим миром правит капитал. Нет, убеждает спектакль: миром правит добро. Маленькая птичка Боря Гадай, но сердце ее открыто для других. Она знает, что лучше быть немного голодным, чем слишком сытым. И еще знает эта птичка, как хрупок наш мир, как бережно и чутко надо относиться ко всему, что окружает нас.

Когда умирает старый шарманщик Варлам, Боря остается единственным «мужчиной» в доме, и на его плечи, а точнее, крылья, ложится забота о вдове — бабушке Домне. Боря, павший с него спрос, выбирает не самый достойный способ, чтобы достать денег и на похороны, и на выкуп конфискованной за долги мебели и чтобы приобрести бабушке Домне боты, — он вступает в сговор с медным ангелочком на крыше банка и добывает двадцать пять рублей.

Финал невесел. Суд пригово-

рил Борю к пожизненному заключению в витрине охотничьего магазина. Единственный раз, когда ему позволяет покинуть витрину, чтобы слетать на могилу бабушки, окажется для него роковым — серебряный стрелок ранит птицу. Из последних сил Боря долетит к тем, кого любил в жизни, — к шарманщику Варламу и бабушке Домне.

В «Осени нашей весны» с наибольшей силой проявилась режиссерская изобретательность Р. Габриадзе. Спектакль можно смотреть и от души смеяться, даже не зная грузинского языка, так выразительны все персонажи, так ярки и образны пластический язык марионеток.

О забавных приключениях одной компании, связанных с неожиданно свалившимся наследством, спектакль «Бриллиант Маршала де Фантье». И в этой истории небывалый бриллиант в пять с лишним тысяч карат не принесет счастья новоиспеченным обладателям. «Бриллианты наши — роса на траве», — скажет в финале князь. Он подарит свое сокровище инженеру Эйфелю на строительство знаменитой башни, и лишь одна

просьба будет у него: «На оставшиеся деньги купить лимонада и леденцов детям Парижа, чтобы помнили дядю Жана».

Вот так, всерьез о смешном, шутя о серьезном, разговаривают марионетки со зрителем.

Рассказывает Резо Габриадзе: Работая, живешь, мыслишь, наблюдаешь и пытаешься понять мир, тебя окружающий, «опишь» впечатления. А потом разрозненные мысли вдруг обретают форму, и понимаешь: это должно быть сделано так. Хотя, пожалуй, был один эпизод в моей жизни, который подсказал мне идею театра марионеток. Это было давно, лет восемнадцать назад, в Ленинграде. Шел дождь, и я забежал в незнакомый мне театр. Там на маленькой сцене увидел марионетку, которая просто шла... Это продолжалось минуту, но совершенно поразило меня. Я начал писать пьесу для марионеток, но другие дела захватили, и как-то все отодвинулось...

Возможно, сказало еще и то, что моя литературная работа в последние годы как-то не укладывалась в рамки признанных жанров: сценарий — не сце-

нарий, и прозой не назовешь...

Могу сказать только: если бы, начиная, я знал, на что иду, какой это труд — театр, — подумал бы прежде. Но мир, который я открыл для себя, компенсирует все затраты. Настоящее колдовство. Мир сказочный необходим людям в наше сложное время, и возможности марионеток безграничны. Я остался верен своей теме, только говорю на другом языке, иными средствами.

То, что я драматург, режиссер, делаю эскизы марионеток — не прихоть. Я убежден, что в кукольном театре такое соединение необходимо. Когда пишешь, надо представлять, как будет существовать кукла на сцене, знать ее исполнительские возможности. Режиссер должен знать, что такое клей, уметь рисовать. Тогда оживает кукла, и зритель забывает, что перед ним всего лишь существо, созданное при помощи клея, бумаги и материала.

Наш театр совсем молодой. Есть трудности и проблемы. Но если у нас такая же нелегкая жизнь, как и у других театров, значит, мы настоящий театр.

М. НЕВЗОРОВА.